

Воспоминанія о Николаѣ Ильичѣ Стороженко.

(Дорогой памяти Николая Ильича и Ольги Ивановны Стороженко).

то было какъ одинъ свѣтлый день! Такъ говорилъ Николай Ильичъ о своей супружеской жизни, когда миновала первая острота безъисходнаго отчаянiя, въ которое ввергла его кончина горячо любимой жены. И всякій, кто только зналъ Н. И., не могъ не чувствовать глубокой правды, заключавшейся въ этихъ прекрасныхъ словахъ. Мягкая, гармоническая натура Николая Ильича, какъ бы пронизанная лучами украинскаго солнца, помогла ему найти счастье для его сердца и беречь его, охраняя его нѣжною и трепетною любовью, пока неумолимая смерть не вырвала это сокровище изъ его рукъ.

Какъ у Ромео съ Юліей, такъ и у него съ его невѣстой страстное чувство вспыхнуло и загорѣлось въ бальной залѣ, но его избранница, при всемъ блескѣ своей красоты и обаятельности своего существа, была скромная труженица на нивѣ просвѣщенiя русскаго народа, только немногіе часы досуга отдававшая молодому веселью. И когда она соединила свою судьбу съ судьбой популярнаго московскаго профессора и европейски—знаменитаго ученаго, она сумѣла сдѣлаться достойной спутницей его жизни.

„Мы жили совершенно одними чувствами и мыслями“,—говорилъ Николай Ильичъ. Нельзя было не вѣрить этому всей душой. Невольно вспоминается сцена изъ далекаго прошлаго. На квартиру Н. И. на Плющихѣ является просительница. Профессора нѣтъ дома. Она проситъ позволенiя подождать, и ее проводятъ въ кабинетъ. Изъ другихъ комнатъ слышно пѣніе канарейки и веселые дѣтскіе голоса. Раздается звонокъ; дѣти бѣгутъ навстрѣчу мамѣ. Высокая, стройная красавица входитъ немного погодя въ кабинетъ и обращается къ просительницѣ съ привѣтливими словами. Она ви-

дять, какъ та нервно мнетъ въ рукахъ какой-то конвертъ, понимаетъ своимъ чуткимъ сердцемъ, сколько надеждъ связано съ этимъ письмомъ, и въ своей тонкой деликатности наводитъ разговоръ на постороннія темы, стараясь этимъ успокоить взволнованную незнакомку и отвлечь ее отъ тревожныхъ думъ. Но вотъ она исчезла. Изъ внутреннихъ комнатъ снова доносится щебетанье дѣтей: „Это кто будетъ чай пить, мама?“—„Гостья, дѣточки, гостья“. Добродушнаго вида прислуга приноситъ чай въ кабинетъ; затѣмъ опять приходитъ очаровательная хозяйка и томительное время ожиданія разсѣиваетъ своей милой, непринужденной бесѣдой.

На всю жизнь остается воспоминаніе о ласковомъ взглядѣ этихъ бархатныхъ глазъ, о мелодичныхъ звукахъ этого чуднаго голоса...

Раздѣляя всѣ интересы своего мужа, его любовь къ литературѣ и театру, его рѣдкое по теплотѣ сердечной отношеніе къ учащейся молодежи, Ольга Ивановна непосредственно, въ силу стихійной доброты своей природы возлюбившая меньшую братію, съ своей стороны вдохновляла и направляла Николая Ильича на разныя гуманныя начинанія. Такъ, по ея иниціативѣ возникла и ея трудами и заботами поддерживались Маршизовская амбулаторія, приходившая на помощь страждущему крестьянскому люду Лохвицкаго уѣзда

Но судьба завистлива къ человѣческому счастью, и въ домѣ гдѣ царила только радость, водворилась непрестанная тревога.

Въ каждомъ письмѣ Николая Ильича слышится безпокойство о здоровьѣ жены, онъ останавливается на различныхъ болѣзненныхъ симптомахъ, съ трогательнымъ чувствомъ минутнаго успокоенія упоминаетъ о томъ, что, хотя ей передъ тѣмъ было нехорошо, но сейчасъ она заснула. Вѣчный страхъ, что у него можетъ быть отнять завѣтный цвѣтокъ его сердца, отражается и на его научной дѣятельности, мѣшаетъ ему предпринять капитальный трудъ, какую-нибудь работу *de longue haleine*.

Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ въ постоянныхъ колебаніяхъ между надеждой и боязнью рокового исхода. И въ то самое время, когда надежда, казалось, возобладала побѣдительницею въ этомъ спорѣ, все-таки является безпощадная смерть.

Только нѣжная и терпѣливая любовь дочери-подростка и ея горячая христіанская вѣра спасаютъ Николая Ильича отъ порывовъ безумнаго отчаянія, побуждавшихъ его уйти добровольно вслѣдъ за женой туда, откуда нѣтъ возврата.

Онъ остается жить. Но душевныя силы его надломлены страшнымъ горемъ. Въ его внутреннемъ мірѣ совершается переворотъ. Относившійся раньше легко и свѣтло ко многимъ явленіямъ жизни, скользившій какъ-будто по впечатлѣніямъ, онъ начинаетъ глубже

задумываться надъ ними, подводитъ имъ психологическіе итоги. Все вокругъ него измѣняется. Ему кажется, что онъ находится не въ водоворотѣ реального существованія, но что все, что онъ видитъ и переживаетъ теперь,—одни только призраки, призраки...

Одиночество мучительно угнетаетъ его. Въ обществѣ, гдѣ онъ по-прежнему продолжаетъ вращаться, онъ встрѣчаетъ женщинъ—красивыхъ, остроумныхъ свѣтски блестящихъ. Онъ еще не чувствуетъ себя старикомъ, но сдѣлать шагъ хотя бы къ самой привлекательной изъ нихъ онъ не можетъ. Всегда и всюду сопутствуетъ ему образъ его дорогой умершей. Онъ видитъ ее передъ собой то сіяющую и жезнерадостную, какой она была въ безмятежные годы ихъ счастья, то изнемогающую въ непосильной борьбѣ съ болѣзью, то готовую воспрянуть духомъ, чтобы вновь отдаться всѣмъ своимъ любвеобильнымъ сердцемъ „благотворительности тайной семьѣ и людямъ безъ числа“.

Онъ не въ состояніи посѣщать тѣ зданія, тѣ мѣстности, гдѣ бывалъ съ нею и, съ другой стороны, въ силу замѣчательной тонкости чувства, не можетъ рѣшиться, даже ради научныхъ цѣлей, поѣхать за границу, такъ какъ ему не удалось свозить туда жену.

А между тѣмъ здоровье этого крѣпкаго и мощнаго на видъ человека начинаетъ постепенно расшатываться. Друзья и почитатели его съ трепетомъ ужаса слѣдятъ за тѣмъ, какъ имъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ жестокой, неизлѣчимый недугъ.

Наступаетъ послѣдній періодъ въ жизни Николая Ильича, періодъ, исполненный глубокаго трагизма.

Больной, совсѣмъ бозпомощный, онъ мужественно переноситъ страданія, продолжая черезъ силу писать, упорно надѣясь почерпнуть въ работѣ бодрость и нравственную поддержку. Но иногда уныніе беретъ верхъ въ его душѣ... И вотъ, на трудномъ пути неиссланныхъ ему испытаній ему встрѣтилось утѣшеніе и награда. Женской любви онъ не искалъ и не хотѣлъ искать послѣ смерти жены, но онъ нашелъ преданную женскую дружбу, смягчившую для него и острую горечь его утраты, и муки его послѣднихъ лѣтъ. Съ трогательной скромностью пишетъ онъ объ этомъ „даръ небесъ“ одному товарищу по несчастью, котораго считалъ небогатымъ другомъ: „Не понимаю, за что судьба такъ благосклонна ко мнѣ и безжалостна къ Вамъ“.

Его „вѣрность до гроба“ той, которая ему подарила свѣтлый день его жизни, осталась нетронутой и неповрежденной до самаго конца. Она жила на днѣ его души, своими наружными проявленіями то умиляя, то глубоко потрясая окружающихъ. Онъ видитъ напр. у своихъ друзей пріѣзжую иностранку, чѣмъ-то напоминающую покойную Ольгу Ивановну, и послѣ этого всю ночь ему снится

жена. Заходитъ рѣчь о супругахъ, равлученныхъ смертью лишь на краткій срокъ, и онъ какъ будто съ завистью восклицаетъ: „Нѣтъ большаго счастья, какъ умереть одновременно съ любимымъ существомъ!“ — „Такая смерть встрѣчается въ старинномъ англійскомъ романѣ *Джонъ Галифаксъ*“, — вспоминаетъ его собесѣдникъ. — „И еще въ *Гатъ Ливингстонъ*“, — прибавляетъ онъ.

Пока силы позволяли, онъ каждое воскресенье ѣздилъ на кладбище, долго просиживая на скамьѣ у дорогой могилы, украшая ее цвѣтами. Въ эти часы благоговѣйной сосредоточенности, окруженный безмолвнымъ покоемъ смерти, онъ и для себя подыскивалъ иногда эпитафіи. Одной изъ нихъ, выборъ которой характеренъ для его необычайнаго смиренія, было четверостишіе, очевидно, прочитанное имъ на одномъ изъ кладбищенскихъ памятниковъ:

Не строгимъ Ты, о Господи,
Мнѣ буди Судіей,
Но судъ мой сотвори, молю,
По милости Твоей ¹⁾.

Болѣзнь, однако, быстро прогрессировала; она приковала Николая Ильича къ креслу и лишила его послѣдней отрады, этихъ поѣздокъ на Ваганьково.

Все чаще онъ, теперь недвижимый, останавливаетъ взоры на портретъ жены, точно предчувствуя близость свиданія съ ней въ загробномъ мірѣ. А рядомъ, между тѣмъ, расцвѣлъ другой, живой ея портретъ, въ образѣ его дочери Маруси, его Антигоны, его Корделии, какъ съ восхищеніемъ называли ее друзья дома. И это сходство красавицы-дочери съ матерью какъ-будто придавало еще болѣе яркости вереницѣ воспоминаній, пронесившихся въ душѣ страдальца-отца...

На протяженіи 20-ти лѣтъ я смотрѣла издали, какъ развертывалась жизнь Николая Ильича, и въ ней мнѣ постепенно открывалась прекрасная и патетическая поэма любви, торжествующей надъ смертью. Ея страницы, долгое время свѣтлыя и радостныя, затѣмъ то скорбныя, то обвѣяныя тихою грустью, я читала и въ его литературныхъ произведеніяхъ, начиная со статьи о М-ше Сталь, посвященной его невѣстѣ, и кончая одной изъ послѣднихъ его работъ, поэтически ароматнымъ изображеніемъ любви Ромео и Юліи, подъ

¹⁾ Дочь Ник. Ильича свято исполнила желаніе отца. На памятникъ, который она ему поставила, вырѣзано именно это четверостишіе, а за нимъ другая надпись, заимствованная изъ одного изъ сонетовъ Шекспира:

„Ни смерти не страшись, ни горечи забвенья,
Нѣтъ, въ памяти людей ты будешь жить всегда“.

(Позднѣйшее примѣчаніе).

заглавіемъ котораго стоитъ надпись: „Посвящается Марусѣ Стороженко“. И какъ въ своей личной жизни онъ остался вѣренъ истинѣ, что „Любовь сильнѣе смерти“, такъ чрезъ всю его общественную и научную дѣятельность проходитъ, въ общечеловѣческомъ значеніи, тотъ же возвышенный лозунгъ.

Въ настоящую минуту русское общество живетъ ускореннымъ темпомъ, охваченное лихорадкой тревоги; приступы холоднаго отчаянія чередуются въ немъ съ жаркими приливами надежды. Взоръ свой оно устремляетъ впередъ. „Что ожидаетъ насъ?“—вотъ тотъ вопросъ, который его волнуетъ.

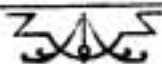
Быть можетъ, подъ вліяніемъ такого настроенія и первая годовщина смерти Николая Ильича прошла почти незамѣтно. Близкимъ его могло, пожалуй, показаться, что онъ уже забытъ, что лишь немногія сердца хранятъ и лелѣютъ въ себѣ благоговѣйную память о немъ. Но развѣ это возможно? Нѣтъ, нѣтъ! Всѣ бывшіе ученики его, разбросанные по разнымъ концамъ нашей обширной отчизны, всѣ, знавшіе Николая Ильича, всѣ тѣ, кому случалось въ трудную минуту вскаты у него помощи и совѣта, безъ сомнѣнія, сберегутъ навсегда неизмѣнно теплую и благодарную любовь къ дорогому учителю и руководителю, къ человѣку безконечной доброты, всю свою жизнь неутомимо исполнявшему святой апостольскій завѣтъ: Носите бремена другъ друга!

Когда же русскому народу сплоченными и стойкими усиліями его истинныхъ избранниковъ удастся наконецъ заложить фундаментъ царства свободы и правды въ нашей измученной странѣ, и она получитъ возможность вздохнуть и спокойно оглянуться на прошлое, тогда предъ русскимъ обществомъ снова встанетъ во всей своей духовной красотѣ свѣтлый образъ профессора-гуманиста.

„Младая жизнь“, которая теперь играетъ у его гробового входа, превратившись въ стремящуюся къ знанію юность, углубится въ изученіе его трудовъ и почувствуетъ свою гражданственную близость съ тѣмъ, кто на склонѣ лѣтъ, удрученный горемъ и страданіемъ, не переставалъ съ восторженной вѣрой молодости провозвѣщать конечное торжество лучшихъ идеаловъ человѣчества: Создать міръ—дѣло Бога; сдѣлать его свободнымъ и счастливымъ — дѣло людей ¹⁾.

В. С.

Январь 1907 г.

¹⁾ Créer le monde—c'est l'affaire de Dieu; le rendre libre et heureux—c'est l'affaire des hommes.—Афоризмъ, принадлежащій Н. И. Стороженко и вписанный имъ въ альбомъ Эдитъ Брандесъ, дочери знаменитаго датскаго критика.